

2008 к

364

Кафедра истории русской литературы
Факультета филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

**ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ
(1920–1940-е годы)
Взгляд из XXI века**

Материалы
Международной научно-практической конференции
4–6 октября 2007 года

*Под редакцией
Л. А. Иезуитовой, С. Д. Титаренко*

Санкт-Петербург
2008

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Л64

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук *Б. В. Аверин*, д-р филол. наук *А. М. Грачева*,
д-р филол. наук *А. А. Карпов* (отв. редактор), чл.-кор. РАН *А. В. Лавров*,
д-р филол. наук *А. Д. Степанов*, д-р филол. наук *М. О. Рубинс*

388231

Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): Взгляд Л64 из XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции 4–6 октября 2007 года / Под ред. Л. А. Иезуитовой, С. Д. Титаренко. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 288 с.

ISBN 978-5-8465-0771-5

Сборник посвящен малоизученным проблемам литературы русского зарубежья и составлен на основе материалов докладов ведущих и молодых ученых из России, Англии, Германии, Польши, Эстонии. Статьи и публикации сборника посвящены поэзии и прозе разных поколений русской эмиграции, журналам русского зарубежья («Современные записки», «Числа», «Воля России» и др.). В них ставятся проблемы типологии литературного процесса, его связей с философией, эстетикой, художественными исканиями Серебряного века и русской классической литературы.

Для литературоведов, лингвистов, философов, культурологов, историков и широкого круга читателей.

*Сборник издан при финансовой поддержке РГНФ,
проект 07-04-140-39 г*

© Коллектив авторов, 2008
© Филологический факультет СПбГУ, 2008
© С. В. Лебединский, оформление, 2008

ISBN 978-5-8465-0771-5

Л. А. Иезуитова

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЭМИГРАЦИИ: ПУБЛИЦИСТИКА

Публицисты эмиграции ставили своей задачей осознать роль революций в судьбе России и в судьбе самой эмиграции, этих революций не принявшей по множеству причин.

Может показаться странным, но первым публицистом стал Максим Горький, автор пятидесяти семи заметок, статей, очерков 1917–1918 годов противобольшевистского содержания в газете «Новая жизнь», получивших заглавие «Несвоевременные мысли». Они послужили поводом фактической эмиграции Горького с осени 1922 до весны 1933 года. Она завершилась его возвратом в Россию и обернулась его кончиной в 1936-м. Мотивом борьбы с властью Горький назвал свою «мучительную и тревожную любовь к России, к русскому народу» (из письма к Е. П. Пешковой от 10.12.1917).

Первым из публицистов Горький заговорил на языке ветхозаветных пророков: «Три года мы переживаем катастрофу. (...) Мы на краю гибели, (...) мы живем скверно и позорно»¹. Вожди революции — «сектанты и фанаты», для них «догмат выше человека»; своей задачей они ставят «поголовное истребление несогласно мыслящих», для чего они ловко «переводят анархо-коммунистические лозунги на язык родных осин», виртуозно используя «упрощенные приемы Владимира Ленина» (с. 69). «Окаянные кремлевские мудрецы» ввели в обиход «арифметику безумия и трусости» и готовы «мстить смертью тысячам голов за одну (большевистскую. — Л. И.) голову» (с. 69, 72). Одну из своих пламенных проповедей Горький окончил приговором правительству «экспериментаторов и фантазеров», суровым предупреждением русскому пролетарию: «Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек!» (с. 96).

¹ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Пг., 1918. С. 56. — Далее страницы указываются в тексте.

Попытки систематического осмысления взаимоотношений литературы и документа особенно активизировались в последние несколько десятилетий³⁹. Эта проблематика тесно связана и с более общей темой о литературе и реальности⁴⁰. В западной критике второй половины XX века проблема неадекватности традиционных понятий «фикшн» и «документализм», а также несостоятельность самой этой бинарной оппозиции обсуждалась еще более интенсивно. Постструктуралисты утверждали, что «я» в любом тексте, даже претендующем на документальность, — в первую очередь, продукт языка, оно создается и существует по законам языка, поэтому сам процесс письма неизбежно приводит к изобретению или фикционализации этого «я». В 1977 году Серж Дубровский предлагает формулу «Я — существо фиктивное» (*Je suis un être fictif*), а для обозначения гибридной прозы, которую нельзя однозначно определить ни как автобиографическую, ни как художественную, изобретает термин *autofiction* (автофикциональность или, в английском варианте, *faction*)⁴¹.

Возможно, такие современные подходы окажутся эффективными и при анализе русско-парижской прозы 1930-х годов, в которой игра с различными дискурсивными моделями, литературными традициями и мифологией закодирована во вполне достоверном автодокументальном материале, что и делает эту прозу новаторской и симптоматичной для более поздних литературных процессов.

А. М. Грачева

«ДНЕВНИК МЫСЛЕЙ» А. М. РЕМИЗОВА (1940–1950-е годы)¹

А. М. Ремизов вел дневники на протяжении почти всей своей жизни. Сохранились автобиографические сведения об уничтожении писателем своих юношеских записей такого рода. Краткие дневниковые заметки 1900 — начала 1910-х годов были использованы Ремизовым в посвященной Вас. Розанову книге «Кукха». К сожалению, они также утрачены. Возможно, блокноты с дневниковыми записями находились в том легендарном чемодане с личными вещами и литературными материалами, который был украден у Ремизова в начале 1920-х годов в Берлине. Из ранних дневников наиболее целостно сохранился Дневник 1917–1921 годов, ставший одним из источников романа-коллажа «Взвихренная Русь»². В нем краткие записи о событиях дня — посещениях знакомых, оценки совершающихся событий как исторического, так и личного масштаба сочетаются с периодически фиксируемыми снами, в большинстве своем, как нами установлено, принадлежавшими супруге писателя — С. П. Ремизовой-Довгелло, а также с иногда встречающимися записями творческого характера. Уже с этого времени берут начало ремизовские дневники особого типа — графические, представляющие собой альбомы ежедневно пополнявшихся рисунков. Пример тому — известный ремизовский альбом «Последний путь из России 1921 5 августа»³. В 1930-е годы этот тип ремизовских «дневников» доминировал — свидетельство чему хранящиеся в Пушкинском Доме «графические дневники» — альбомы 1933–1940 годов⁴.

³⁹ Начиная со статей Адольфа Урбана «Автодокументальная проза» (Звезда. 1970. № 10. С. 193–203) и «Художественная автобиография и документ» (Звезда. 1997. № 2. С. 192–208) и заканчивая предисловием к дискуссии в «Знамени» «Для чего литературе воображение?», в котором Наталья Иванова отмечает: «Движущаяся эстетика невымышленного повествования занимает [в настоящее время] одну за другой все новые литературные территории.» (Знамя. 2006. № 1. С. 184).

⁴⁰ Только за последнюю пару лет прошло несколько конференций на эту тему (в ИМЛИ в 2005 г. и в Казанском университете в 2006 г.).

⁴¹ Cf. Serge Doubrovsky. Fils. Paris, 1977. P. 10.

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ: проект № 07–04–00185А.

² См.: Ремизов А. М. Дневник 1917–1921 г. // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. Взвихренная Русь. М., 2000. Т. 5. С. 423–533.

³ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 44.

⁴ Напр.: Ремизов А. М. Мой графический дневник. 20. X. 1939–19. IV. 1940 (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 46).

Тяготы войны, коснувшиеся Ремизова со времени оккупации Парижа немцами (14 июня 1940 г.), и заботы об умиравшей Серафиме Павловне прервали и литературное, и дневниковое творчество писателя. Сохранились лишь краткие дневниковые записи рубежа 1941–1942 годов, озаглавленные «Моя отходная». В них Ремизов отмечал: «Какая моя теперь жизнь (<...>) Урвал минутой — и слава Богу (<...>) Записываю, только записываю урывком. С ½ 9-го утра до ½ 9-го вечера по хозяйству: в очереди и на кухне»⁵.

Новый период ведения дневников начался после смерти жены писателя, последовавшей 13 мая 1943 года. Первые дневниковые записи датированы концом мая этого года и посвящены осмыслению жизни без любимой и установлению астральных (сновидческих) контактов с ней. Вот примеры записей, фиксирующих ремизовские видения: «В первый раз видел во сне С. П. в белом. В ее комнате огромное окно и видно зарево. Мы оба в этой комнате, но странно, ее я вижу, хоть и рядом с собой, а как будто на дальнем расстоянии: лицо “в общих чертах”» (в ночь с 14 на 15 июня)⁶; «Оклик: А <лексей> ты меня любишь теперь?» (в ночь с 3 на 4 сентября); «С. П. уезжает куда-то далеко, куда мне трудно проникнуть. “Как же, думаю, она будет и Пасху одна?”» (в ночь с 10 на 11 сентября); «Больно-больно» (в ночь с 14 на 15 сентября).

Дневниковое творчество Ремизова, возобновившееся с конца мая 1943 года, не прекращалось до его смерти, несмотря на прогрессирующую с 1953 года слепоту писателя. В настоящее время корпус его дневников 1943–1957 годов готовится к изданию коллективом сотрудников РГАЛИ под научным руководством автора настоящей статьи.

Это дневники особого рода. В разговорах со своей литературной ученицей Н. Кодрянской Ремизов назвал их «дневниками мыслей»⁷. Они состоят из тетрадей, на одной стороне которых кратко поименованы события дня, сводящиеся в основном к перечислению перемещений Ремизова и к списку посетителей квартиры на улице Буало. Зато на другой стороне подробно изложены ночные путешествия автора, встречи с живыми и мертвыми из разных временных пластов как реального бытия писателя, так и астральных пространств, посе-

⁵ Ремизов А. М. Моя отходная / Публ. и вступ. статья А. М. Грачевой // Блоковский сборник. XVI. Александр Блок и русская культура первой половины XX века. Тарту, 2003. С. 192.

⁶ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 61. Л. 1 об.

⁷ «С октября 1943 года Алексей Михайлович снова записывает свои сны: “Дневник мыслей” (тридцать тетрадей). В двух первых тетрадях не только его сны, но и другие записи, главным образом о Серафиме Павловне» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 20).

щаемых его душой. Также значительное место на этих страницах дневников отведено фиксации творческой работы над создаваемыми произведениями, не прекращавшейся и ночью, в пограничном состоянии сознания между сном и явью.

Астральное пространство Ремизова-визионера состоит из нескольких кругов.

Ближний круг открывает Серафима Павловна. При жизни она и днем и ночью (в пространстве снов) была рядом с Ремизовым. То, что она стала обитательницей лишь одного из миров, не изменило близости и регулярности ее общения с мужем. Почти каждую ночь она приходила к Ремизову во сне, сопровождала его в астральных странствованиях, а также участвовала в обсуждении и решении накопившихся дневных проблем. Среди других постоянных визитеров Ремизова можно назвать А. Блока, Андрея Белого, П. Щеголева, И. Рязановского, М. Пришвина, дочь — Наташу Ремизову и, как ни парадоксально, Максима Горького.

Кроме ближнего круга существовал и дальний, состоявший из посетителей, являвшихся в результате ночного обдумывания писателем каких-то тревоживших его проблем, проблем, иногда имевших дальние ассоциативные связи с прошлым, а также представленный лицами, проникавшими в сны из сиюминутных парижских будней.

Чаще всего ближний и дальние круги сновидений пересекаются. Постоянные «герои» снов действуют в обществе соседей Ремизова по улице Буало, консьержек, лавочников, сборщиков налогов.

В целом «дневники мыслей» представляют собой увиденную через призму иного измерения панорамную картину жизни интеллектуальной элиты русской парижской эмиграции, помнящей о своей прошлой жизни в России Серебряного века и пытающейся следить за жизнью Родины и за судьбой культуры в СССР.

В настоящей статье остановлюсь на одной теме сновидений писателя — ночном обдумывании им вопроса о своем возвращении в СССР.

Победа Советского Союза над фашистской Германией вызвала в кругах эмиграции подъем патриотических чувств, которые СССР старался использовать в своих политических целях. В 1946 году был издан Указ Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве лиц, проживавших на территории Российской империи. После окончания Второй мировой войны советское правительство предпринимало усилия по возвращению на Родину видных деятелей русской культуры.

А. М. Ремизов был в числе тех, кто пережил взлет патриотических эмоций и надежд вернуться в Россию, надежд, связанных с мыслями об оставшейся в СССР дочери. 14 февраля 1945 года в Париже со-

стоялся «визит к послу» — посещение советского посла А. Е. Богомолова частью значительных политических и культурных деятелей русской эмиграции. В их число входил и Ремизов. Он был и среди тех, кто взял советский паспорт. В 1946–1948 годах писатель дружески контактировал с лицами, являвшимися членами Союза советских патриотов, — А. Ладинским, Б. Сосинским и др. Вплоть до закрытия издания он много и активно печатался в газете «Советский патриот». Так, в 1947 году на ее страницах появилось шесть публикаций главков из книги «Иверень», посвященной годам его революционной юности. Как известно, Ремизову давались серьезные обещания, что в случае его возвращения в СССР начнется публикация его произведений. Уже шла конкретная работа над «пилотным проектом» — изданием в Москве сборника его избранных произведений.

Шаги писателя, направленные к открытию пути в Россию, получили разноречивые оценки в кругах парижской эмиграции. Доброжелатели «прощали» и «объясняли» их обстоятельствами его жизни. В этом плане характерно свидетельство друга и биографа Ремизова Н. Резниковой: «После конца войны А. М. взял советский паспорт. Хотя к этому времени силы его несколько восстановились, все же А. М. был, конечно, слишком слаб для того, чтобы возвращаться в Россию, предпринять такое путешествие и такую ломку жизни. (...) Если он, несмотря на все, думал о поездке, то это для возможной встречи с дочерью, звавшей его к себе. После смерти Наташи ее сын Борис, в свою очередь, звал деда в Россию. В 1946 году пришла весть о смерти Наташи... (...) А. М. думал, что смерть была насильственная»⁸. Голоса другой части эмиграции, негативно оценившей послевоенное поведение Ремизова, зафиксированы в воспоминаниях самого писателя: «Из 1947 г. мне памятли три крепких отзыва: “ретроград”, “подлец”, “советская сволочь”»⁹. Там же отмечена реакция И. Бунина на визит Ремизова к советскому послу: «Узнав, что я ничего не получаю от Богомолова, он сказал: “Как собачонка на задних лапах ждет подачки”. — “Дадут”, — заметил добродушно Пантелеймонов»¹⁰. Наиболее резким неприятием шагов Ремизова по установлению контактов с Родиной пронизана оценка Р. Гуля: «Из писателей получать паспорта пришел А. М. Ремизов (по своему глубокому цинизму ему было все равно, какой паспорт брать, авось можно на этом чем-нибудь поживиться, он завтра и от царя-батюшки взял бы с удовольствием)»¹¹.

⁸ Резникова Н. В. Огненная память. Berkeley, 1980. С. 57.

⁹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 90.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ Гуть Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. III: Россия в Америке. М., 2001. С. 125.

В свете столь полярных мнений современников и глухого обсуждения этих вопросов в переписке Ремизова тех лет «Дневник мыслей» представляет собой уникальный источник, позволяющий как бы изнутри осветить ситуацию с его несостоявшимся возвращением в СССР, поскольку эта тема присутствует в снах писателя с конца 1940-х до 1954 года.

Их анализ позволяет вычлнить несколько аспектов этой темы, в те годы постоянно возникавших в подсознании Ремизова. Выделим эти аспекты, иллюстрируя их примерами снов писателя.

Среди его ночных размышлений на эту тему на первом месте можно поставить переживания своих дневных контактов с представителями советской власти, предстающие в образах, навеянных «визитом к послу», а также дававшимися Ремизову авансами и обещаниями.

Ночь с 1 на 2 февраля 1947 года¹²:

Какой-то самый главный из «Советского Патриота» похож на кучера в зимнем одеянии — необыкновенных размеров. И он со мной необычайно приветливо, что даже неловко. Я не знаю, что и говорить мне.

Ночь с 14 на 15 марта 1950 года:

Пришел человек с бумагой: меня вызывают в посольство. Бумага: лист, как кремное желе, а буквы — мармелад. Так вид «кутью». И с этим человеком я иду: сначала в бистро. (...) Из бистро поднимаемся на стройку, откуда надо лететь на улицу. Перелетели и идем через толпу. И я леплю фигуры, что за матерьял, не знаю, мне надо довести их до тончайших живых.

В ремизовских снах тема возвращения увязывается с размышлениями над судьбой писательского имущества — книг и рукописей и с мыслями о возможностях издания их в СССР.

Ночь с 27 на 28 декабря 1947 года:

Милюков, он же и Бунин, наклоняясь: где библиотека Ремизова [?] Лицо у него красное. А потому, что мы уезжаем в Россию. Эренбург и И. П. Кобеко.

Ночь с 25 на 26 апреля 1952 года:

Бр(онислав) Сосинский говорит мне: — Вас напечатали в России в газете. Трудно узнать, поправки и от себя, редакция!

¹² Тексты снов Ремизова цит. по Архиву А. М. Ремизова в РГАЛИ (Ф. 420. Оп. 6).

В ночных видениях Ремизова тревожат мысли о том, что России, какую он знал, в реальности больше не существует и что писатель будет «чужим» в той стране, куда его приглашают вернуться.

Ночь с 22 на 23 января 1946 года:

Приехали в Россию. На улице — Москва. Маросейка. Я без белой палки. Как-то встретили и смотрят недоумевающее и я себя вижу: я в шляпе «лодочкой». Они понимают, что я «чужой». Вижу какие-то Мамченки; но они меня не замечают. Возвращаются. С ними Чичибабин. (...) И какой-то догадался, что мы «приезжие». И на стул Чичибабину положил семечки — знак особенного уважения — так надо понимать. Я говорю С(ерафиме) П(авловне): «Как же нам теперь? Надо прописаться!» И думаю, я как-нибудь устроюсь, а вот ей будет трудно. Надо ведь ходить куда-то.

Ночь с 20 на 21 февраля 1947 года:

Возвращаемся в Москву, с нами Аронсберг. Мы вышли на Николаевский вокзал, а они дальше поехали. Встреча со знакомыми: кондукторы — все молодые. Некоторых знал мальчиками. Один особенно хорошо говорит: защищается. У дверей «делегация» и один в форме маленький — кондуктор: проверить счетчик.

Ночь с 14 на 15 ноября 1950 года:

В Москве у Пришвина: приготавливают обед: тарелки на столе. Пришвин такой, как прежде: будет читать. А я пока что вышел из дому — через окно, как из клетки. И прошел в Кремль. Когда я шел по Варварке, я никого не встретил. Все, как на картинке. И в Кремле ни души. Стоят соборы, но тишина безлюдья — все кончилось, я один.

Тема «чужого» в родной стране тесно переплетается с темой опасности, провокаций и репрессий, ожидающих возвращающихся на Родину.

Ночь с 29 на 30 марта 1950 года:

Письмо из России: написано карандашом, не могу прочесть, но в письме алфавит мелко, какие узорные, украшенные — заплетенные виноградом буквы. Я их воспроизведу. И показываю. А прислал, я догадываюсь, Федин, через актера Ан. Павл. Нелидова. А вот и Нелидов. И сидит: то он в России, то он в Париже. И я вспоминаю, как он умел, лгать, ладить со всеми: он играл в лад.

Ночь с 10 на 11 января 1953 года:

Мы вернулись в Россию. Из залы видим: подъехал поезд, раскрылся товарный вагон: стоит И. И. Манухин, я к нему. И попал в бистро. Хо-

зяин Соломон Сегаль (Вологда). Он отделил из пакета папиросы для меня. Теперь мы устроились. Надо отыскать уборную. Нашел. Но там Dominique Auric.

Ночь с 24 на 25 января 1953 года:

Меня выслали в Астрахань. Ссылка заключалась в том, что я лежу на кровати и у меня, как книга, большая сушеная рыба размера — лещ. Кроме меня попал в ссылку А. Ладинский: ему непривычно. И он все подымается со своей кровати. А в глубине комнаты, как паучиха, в углу Вельтерша.

Подсознательно мысли о возвращении соединяются с размышлениями о том, что современная Россия — это тоталитарное государство, во главе которого стоит всемогущий диктатор — И. Сталин. Образ этого вождя постоянно встречается в сновидениях Ремизова, представляя неким то завлекающим, то страшным персонифицированным символом СССР.

Ночь с 7 на 8 мая 1948 года:

Прохожу коридорами — зеленой дорогой. Дом, и в этом доме — зашел туда Сталин в белом. Потом и все входят. Чего-то подписывают. И тут Пантелеймонов.

Ночь с 22 на 23 ноября 1948 года:

На полке бюсты: Сталин, Рыков и еще кто-то. Они говорят без слов понятно: «отслужили». Из нашей комнаты калитка в сад. Я заглянул: там в саду ванна. И сидит Сталин. «Я тут у вас устроился», — говорит он. Я думаю, надо предупредить С(ерафиму) П(авловну). И идем по улице. Деревянные дома, а один маленький каменный. «Пожар, — думаю, — кончился». «Это дом Кодрянского», — говорит С(ерафима) П(авловна). Но это ничего, это один из домов, да и пожар кончился. Разбираю рукопись. «Церковно-славянская болтовня» — о почитании креста. Ничего нового, но слова и целые фразы, как рукопись, очень затертые. И опять говорю: «церковно-славянская болтовня».

Ночь с 8 на 9 декабря 1952 года:

Сталин с виду рыцаря Паламеда. В его руках 10 огромных свечей. Поле. Он показался издали. И приближается. Я раздумывал и удивлялся: как может человек нести так много. И когда я так думал, Сталин был ближе ко мне и я сосчитал: не 10, а 4 свечи.

Четыре свечи — но и это чудесно, кто это возьмет и удержит? И глядя издали — Сталин совсем близко. Нет, не 4 свечи: две свечи в его руках, как два меча Паламеда.

Как известно, Ремизов так и не возвратился в СССР, что сорвало планы по изданию на Родине его произведений. В снах кристаллизация решения о невозвращении относится к 1952 году:

Ночь с 14 на 15 сентября 1952 года:

В открытое окно: перед домом помойка и дальше роют — старую засыпят. Надо закрыть окно: известь ест глаза. Я в другую комнату к С. П. предупредить. Она только что поднялась и сидит на кровати. Я вышел на кухню: мне надо проверить «В сырых туманах». Окончание я запекаю в хлебе. Да удобно ли так — рукопись в «Нов(ом) Жур(нале)» если я пошлю еще в сборник? Единственный экземпляр. И выхожу в сени. И вижу приближается Н. В. И вот она тут — в избе, долгое путешествие. И узнаю: ей передал Бердяев, Лежнева арестовали. И я понимаю: мне ехать не следует» [на полях тетради помета А. Р. — «получил письмо»].

В «Дневнике мыслей» тема возвращения на Родину окончательно затухает после переживания Ремизовым факта смерти Сталина и связанных с ней эксцессов, воспринятых как символы-предвестия близящейся новой катастрофы, ожидающей Россию.

Ночь с 5 на 6 марта 1953 года:

〈Цитата〉 «Весь славянский мир стал на сторону Сталина». 〈Видел〉 Письмо с газетными вырезками.

Ночь с 16 на 17 марта 1953 года:

Попал к великим. Один со змеиным ртом в черном с бриллиантовыми запонками — покровительственно. Он стоит. А другой сидит — людоед. Он посадил меня на колено, расставив ноги. И я узнаю, что это Сталин. Иду в очереди к гробу. Хоронят священника о. Василия. Лицо закрыто, как у священников. Я поцеловал золотой крест.

Ночь с 26 на 27 января 1954 года:

Я не встречал Сталина, знаю по портретам и рисунку Пикассо. И как однажды по смерти Сталина вижу великана, полулежит. Я понял, умирает. И он со мной ласково простился.

Из соседней комнаты волчком показала фигурка — дочь Сталина, а за ней в ветхом истлевшем платье — жена Сталина: на ее лице ужас. И не оттого, что умирает Сталин, а что дочь превратилась в волчок — кружится и не может остановиться.

Рассмотрение темы возвращения на Родину, присутствующей в «Дневниках мыслей» Ремизова, показало, что его ночные видения представляют собой тонкий сплав образов — отражений воспоми-

наний и реалий дневной действительности, а также плодов художественного мышления, производящего сопоставление множественных фактов и дающего в итоге точный анализ происходящего. Публикация «Дневников мыслей» А. М. Ремизова будет важна не только для исследования творческой лаборатории и биографии А. М. Ремизова, но и внесет значительный вклад в исследование послевоенной жизни русской эмиграции первой волны.